

АЛИШЕР НАВОИЙ ВА XXI АСР

Халқаро илмий-назарий анжуман
Тошкент, 2019 йил, 9 февраль

Худди бундай ҳолни Муқимий сатирик ижодида ҳам кўриш мумкин. Масалан, шоирнинг “Авлиё” радифли ҳажвий асарини олайлик. Шеърда ўз манфаатларини кўзлаб, ҳеч қандай ишдан қайтмайдиган, ўзини “авлиё” кўрсатиб, бемани ахлоқсизликлар билан машғул кимсалар образини шоир қуйидагича тасвирлайди:

*Бошларида шапка гоҳе, гоҳ дастор “авлиё”,
Қўлларида субҳаю бўйнида зиннор “авлиё”...
Шул эрур кашфу кароматики бўйлаб субҳу шом,
Чиқса ҳар ердин бир ис ҳозир хабардор “авлиё”.
Доимо бепарда сўз халқ ичра айтур беибо,
Бўлмагай деб қўрқаман ногоҳ сангсор “авлиё”... [7.382].*

Муқимийнинг “Танобчилар” сатирасидаги ҳажв услуби ҳам Навоийнинг Ҳайрату-л-аброр” достонидаги амалдорлар ҳақидаги танқидий қарашларига жуда яқин. Навоий жамиятдаги ижтимоий тенгсизлик, амалдорларнинг адолатсизлиги, халққа ўтказаетган зулмлари хусусида қуйидагича ёзади:

*Зулм этиб ул косибу деҳқонга ҳам,
Косибу деҳқон неки, султонга ҳам.
Қайси вилоятгаки, азм айлабон,
Эл ҳараму богида базм айлабон.
Гар худ ул уй соҳиби ҳофи эрур,
Истари аввал майи софи эрур.
Май била бузгоч қорининг ҳолини,
Шоҳид учун ҳам юборур золини...
Бир-бири бирла бўлишиб ўйла дўст,
Ҳар кишиким кўрса дегай мағзу нўст... [8.204].*

Муқимийнинг “Танобчилар” сатирасида ҳам золим амалдорлар кирдикорлари қаттиқ танқид остига олинади. Уларнинг ахлоқсизликлари, пасткашликлари, камбағал деҳқонларга ўтказаетган зулми, порахўрликлари шоир томонидан қуйидагича тасвирланган:

*Бўлди таажжуб қизиқ ҳангомалар,
Арз этайин эмди ёзиб номалар.
Адл қулогила эшит ҳолими,
Зулм қилур, баски, менга золими.
Ўн икки ойда келадур бир таноб,
Ўзгалара роҳату менга азоб...
Ош есалар ўртада сарсон илик,
Хўжа – чирог ёғи, Ҳакимжон – тилик [9.343].*

Кўриниб турибдики, Навоий ва Муқимий сатирасининг вазни, услуби, мавзуси, тили, тасвирий ифодалари ўзаро ҳамоҳанг. Икки шоир сатираси хусусида адабиётшунос Абдурашид Абдуғафуров ҳам қуйидагича мулоҳаза билдирган эди: “Масалан, Алишер Навоийнинг “Ҳайрату-л-аброр” достонидаги зўравон шоҳнинг, зулмкор амалдорларнинг кишлоқдаги фаолиятини тасвирловчи эпизод билан Муқимийнинг “Танобчилар” сатирасидаги кишлоққа чиққан чор чиновниклари фаолиятини ифодаловчи мисралар ана шундай намуналардан биридир. Ҳар икки шоир эпизодлари қиёсланганда мавзунинг ўхшашлиги, объектларга муносабатнинг, сатирик руҳнинг умумийлиги, ҳатто ситуация ва фош этувчи деталларнинг бири иккинчисига жуда яқинлиги юзага чиқади” [10.7].

Умуман, Муқимий шеърятинида Навоий ижодининг таъсири кучли эканини юкоридаги туркум назиралар ва мухаммаслар ҳам кўрсатиб турибди. Муқимий ва Навоий асарларини қиёслаганда, улар ижодида муштарак жиҳатлар кўп экани кузатилади. Хусусан, мавзулар мутаносиблиги, кофия ва радиф, образ ва тимсоллар, анъанавий бадий санъатлар такомил бунинг далилидир. Бу хусусиятлар, ўз навбатида, Муқимий ижодий камолотида буюк Навоий санъатхонасининг таъсири қатта бўлганини кўрсатади.

Фойдаланилган адабиётлар:

1. Каримов Ф. Муқимий ҳаёти ва ижоди. (Монография). -Т.: 1970.
2. Мадаминов А. Янги баёз. – Т.: 1997.
3. Шокиров А. Ўзбекистон адабиёти ва санъати, 1985, 1-февраль, 5-сон.
4. Жўрабоев О. Қўқон шоирларининг Алишер Навоий газалларига мухаммаслари (ва унга нисбат берилган айрим газаллар борасида) // Ўзбек тили ва адабиёти, 2009. № 1.
5. Ойбек “Хамса”нинг асосий образлари // МАТ. Ўн тўққиз томлик. Ўн тўққизинчи том. -Т.: 1979,
6. Шарипова Н. Алишер Навоийнинг “Ҳайрату-л-аброр” достонида ҳажв услуби. – “Ўзбек адабиётшунослигида талқин ва таҳлил муаммолари” мавзусидаги илмий-назарий анжуман материаллари. -Т.: Мумтоз сўз, 2014.
7. Каримов Ф. Муқимий. Асарлар тўплами. – Т.: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1974.
8. Алишер Навоий. МАТ. Хамса. Йигирма томлик. Еттинчи том. -Т.: Фан, 1991.
9. Каримов Ф. Муқимий. Асарлар тўплами. – Т.: Адабиёт ва санъат, 1974.
10. Абдуғафуров А. Муқимий сатираси. – Т.: Фан, 1976.

АЛИШЕР НАВОЙ, А НЕ ГАФИЗ

(К вопросу об источнике стихотворения А.С. Пушкина «Не пленяйся бранной славой...»)

Гульжигит СОРОНКУЛОВ
КГУ
(Кыргызстан)

Гульжан АБЫКАНОВА
АА «Эл баасы»
(Кыргызстан)

В лето Арзрумской кампании, 5 июля 1829 года, Пушкиным было написано небольшое стихотворение «Не пленяйся бранной славой ...», получившее в печатном варианте название «Из Гафиза» и снабженное в подзаголовке пометой: «(Лагерь при Евфрате)».

Напомним его текст.
Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит –
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда! (III, 163)

В пушкиноведении на протяжении более ста пятидесяти лет не утихают споры по поводу источника этого стихотворения. Большинство исследователей сходится во мнении, что авторское указание в заглавии «Из Гафиза» не соответствует истине...

Азербайджанский литературовед Шихали Курбанов, отклоняя утверждение о том, что эти стихи написаны в духе персидского поэта XIV века Хафиза, заключал: «Стихи эти как по форме, так и по содержанию и духу ничего общего с творчеством Хафиза не имеют» [1, с. 65]. Однако, конкретный аргумент ученого в пользу такого вывода представляется нам, мягко говоря, небезупречным.

Не подвергая сомнению наличие ориентального источника пушкинского стихотворения, написанного в военном лагере при Евфрате, мы полагаем, что этим источником, скорее всего, мог быть не Хафиз (или не только Хафиз), а тот «сквозной» сюжет персотюркоязычной классической литературы, что получил свое наиболее яркое выражение в бессмертной поэме Алишера Навои «Фархад и Ширин». Поэма эта, по словам И.С. Брагинского, выделяется широтой охвата самых животрепещущих и вечных движений души: воспевание жизнеутверждающей любви и дружбы, осуждение губительной вражды, разрушительных войн.

Выдвигаемая нами гипотеза обосновывается, прежде всего, тем, что стихотворение «Не пленяйся бранной славой...» представляет собою, как кажется нам очевидным, почти идеальную «выжимку» сюжетной линии и лейтмотивов поэтической характеристики главного героя поэмы Алишера Навои (см. сопоставительную таблицу).

А.С. Пушкин	А. Навои
Не пленяйся бранной славой, О красавец молодой!	Красавец Фархад несет в себе созидательное, а не воинственное, разрушительное начало: он совершенно равнодушен к «бранной славе», хотя с детства его обучили великолепно владеть всеми видами оружия; вместе с тем он в совершенстве освоил все известные в те времена науки и ремесла: ... Оружием наук владел Фархад ... ... Ученым он прослыл большим.
Не бросайся в бой кровавый С карабахскою толпой!	Фархад в волшебном зеркале впервые увидел красавицу Ширин и влюбился в нее. Преодолев многие преграды, он находит свою суженую в Армении, с историей и культурой которой (так же как с историей и культурой Азербайджана) связан Карабах. Не желая воевать, Фархад вынужден, однако, вступить в бой с полчищами персидского царя Хосрова – только для того, чтобы защитить свою любовь.
Знаю, смерть тебя не встретит: Азраил, среди мечей, Красоту твою заметит – И пощада будет ей!	Фархада невозможно было победить в бою. Он ... был, как богатырь, несокрушим. Судьбой ему было предопределено умереть от любви. На знании этого факта из поэмы «Фархад и Ширин», возможно, и зиждется уверенность русского поэта в том, что его героя «смерть среди мечей (т.е. на войне) не встретит».
Но боюсь: среди сражений Ты утратишь навсегда Скромность робкую движений, Прелесть неги и стыда!	Фархад, как и многие герои любовных поэм Востока, несмотря на свою богатырскую мощь и силу духа, чувствителен, склонен к слезам и к обморокам. Доминанты его человеческой сути – скромность, чистота и стыд: Он скромн был ... Он силой не хвалился никогда ... Он сердцем чист был и очами чист, Всем существом, как и речами, – чист, Чистейшее на свете существо! ... Страдать он стал от горького стыда, ... Ведь все равно меня замучит стыд. ... Пусть и умру, все будет жить мой стыд.

Кроме того, наличие еще целого ряда сопутствующих обстоятельств «бывачной» жизни Пушкина в период Арзрумской кампании дают нам, думается, фактические материалы, которые всецело поддерживают развиваемую нами гипотезу.

Начнем с того, что в беловом автографе пушкинское стихотворение посвящено молодому офицеру конного мусульманского полка русской армии

Фаргат-Беку (сохраняем здесь написание этого имени поэтом). В альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой сохранился сделанный Пушкиным после возвращения с Кавказа его портрет (в профиль) с подписью «Фаргаты-Бекъ» (XVII, 136).

Субъективность зрительских впечатлений общеизвестна. Но, на наш взгляд, молодого человека, которого изобразил на своем рисунке великий русский поэт, писаным красавцем, пожалуй, не назовешь. Связь здесь, по нашему мнению, таится, прежде всего, в значении «говорящего» имени

юного офицера. Ведь его литературный тезка, сын китайского хакана, и был назван Фархадом (согласно поэтической этимологии – «блестящий

знак судьбы»), потому что родился неземным красавцем:

*От блеска красоты его – Луне
Прибавлен блеск и Рыбе в глубине <...>*

*Хакан подумал: «В этом смысл найди:
Блеск – это «фарр», а знак судьбы – «хади».*

*Так имя сыну дал хакан: Фархад ...
Нет, не хакан, – шные говорят,*

*Сама любовь так нарекла его,
Души его постигнув естество .... [4, с. 175]*

Правда, насколько нам известно, имя Алишера Навои ни разу не было упомянуто А.С. Пушкиным (см.: XIX, 109, 396, 397). Однако это вовсе не означает, что русский поэт не был знаком с творчеством одного из крупнейших тюркоязычных лириков Востока. Стихи «Из Гафиза» он написал в процессе осмысления увиденного, услышанного и пережитого во время путешествия в Арзрум, когда, как справедливо отмечает Д.И. Белкин, «он обладал уже значительным опытом создания ориентальных произведений, когда прочитал в переводе на европейские языки многие творения поэтов Востока» [2, с. 193].

Перевод же произведений Навои на европейские языки начался еще с середины XVI века. Так, в 1557 году в Венеции на итальянском языке была издана четвертая из поэм знаменитой «Пятерницы» – поэма «Семь планет», переведенная Христофором Армянским. Затем та же поэма была переведена на немецкий язык Логаном Ветцелем и издана в Базеле в 1583 году. В 1719 году появился французский перевод этой книги, который только до конца XVIII века переиздавался одиннадцать раз [3, с. 64 – 65]. С большой долей вероятности можно предположить, что А.С. Пушкин мог быть знаком с переводом (прежде всего – французским) поэмы «Семь планет». В этой поэме, кстати, тоже упоминается Фархад:

*В потере убедившись роковой,
Стал шах о землю биться головой,
Вопил и плакал мира властелин, –
Фархад не разыскал свою Ширин! [4, с. 434]*

Выше мы отмечали, что история любви Фархада и Ширин является «сквозным» сюжетом литературной классики Востока. Многие крупнейшие поэты, в соответствии с традициями «назиры» (написания «поэтических ответов»), не обошли в своем творчестве эту тему, вступая в своеобразное поэтическое состязание со своими предшественниками. Так, по весьма ещё неполным данным известно, например, более 40 «ответов» на «Сокровищницу тайн» Низами, написанных на персидском языке, и несколько «ответов» на языках тюркских; также есть более 40 «ответов» и на «Хосров и Ширин» (персидские, азербайджанские, турецкие и т.д.) [5, с. 18]. Недаром, во вступлении к поэме «Фархад и Ширин» Алишер Навои с глубоким пиететом отзывается о своих учителях – Низами, Хосрове, Джамии, которые до него уже разрабатывали данный сюжет. Отдавая им должное, но в то же время отмечая, что основным персонажем их произведений был шах Хосров, Алишер Навои пишет:

*Все посвящали до сих пор, увы,
Фархаду лишь одну или две главы <...>
Настроив сердце на печальный лад,
Создам я повесть о тебе, Фархад. [4, с. 168, 169]*

В условиях лагерной жизни, имея случаи узнать как можно больше о литературе Востока от своих новых знакомых – и прежде всего от азербайджанских поэтов, – Пушкин мог познакомиться

– в пересказе или в устном подстрочном переводе – с поэмой «Фархад и Ширин». В ответ на просьбу русского поэта пояснить, что обозначает имя приглянувшегося ему молодого офицера, любой из его тюркских коллег – да и сам носитель этого имени – мог достаточно подробно рассказать сюжет классической восточной поэмы о беззаветно влюбленных (здесь следует иметь в виду и тот факт, что поездка Пушкина в действующую армию состоялась вскоре после неудачного сватовства к Н.Н. Гончаровой). Поэма эта, как и другие произведения Навои, была широко известна не только в Центральной Азии, но и во всем тюркоязычном мире. Не случайно сам автор в заключении «Фархада и Ширин», вновь вспоминая о поэтах – покорителях стран и народов: Низами, Хосрове, Джамии, – отмечает и свою широчайшую популярность среди тюркоязычных народов:

*... Но турки всех племен, любой страны,
Все турки мной одним покорены! <...>*

*... И от Ширази до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен, –*

*Где б ни был тюрк – под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов ... [4, с. 328, 329]*

Изложенные соображения позволяют, думается, с большой долей вероятности предположить, что упоминание имени Гафиза в названии стихотворения носит, в известной мере, обобщающий, типизированный характер. Ведь, кстати, *Хафиз* – это не имя собственное, а поэтический псевдоним знаменитого поэта из Ширази – Шамсиддина Мухаммада. Впрочем и *Навои* тоже – поэтический псевдоним Низамадина Алишера. Слово *навои* в переводе с фарси означает “мелодичный”. Как это нередко случается, имена великих людей вытесняются их ставшими всемирно известными псевдонимами.

Пушкин вполне мог, зная о том, что о красавце Фархаде немало написано многими восточными поэтами, дать своему ориентальному стихотворению на эту же тему условно-обобщенный подзаголовок, используя имя-псевдоним одного из своих самых любимых поэтов Востока. Это тем более вероятно, если вспомнить, что слово *хафиз* переводится с фарси как «хранящий в памяти». Так в Персии называют человека, обладающего феноменальной памятью [6, с. 16]. Может быть, стихотворение «Не пленяйся бранной славой ...», написанное Пушкиным по мотивам известных ему ранее или ставших известными из «арзрумских бесед» восточных поэм, о которых напомнило имя молодого офицера мусульманского конного полка Фаргат-Бека, отчасти воспринималось самим автором как своеобразная реминисценция-перекличка с почитаемыми им восточными собратьями по поэтическому вдохновению. Ведь многие их образы русский поэт держал в своей тоже феноменальной памяти.

Пророчески звучат в бессмертной поэме слова великого философа древности Сократа, который, согласно Навои, перед своей смертью предсказывает посетившему его Фархаду:

*«... Слух о тебе до дальних стран дойдет,
Он до южан и северян дойдет <...>*

*Забудет мир о всех богатырях,
О кесарях, хаканах и царях,*

*Но о Фархаде будут вновь и вновь
Народы петь, превознося любовь!» [4, с. 207, 208].*

В приведенных строках Алишера Навои запечатлены мысли и чувства, созвучные тем, что высказаны Пушкиным в стихотворении, о котором мы ведем речь.

Итак: что же позволяет полагать, что пушкинское стихотворение продолжает поэтическую традицию, восходящую к персотюркоязычной традиции, и притом, скорее всего, к образному миру Алишера Навои?

Во-первых, это созвучность лейтмотивов этого стихотворения сюжетным и лирическим мотивам поэмы Навои «Фархад и Ширин».

Во-вторых, тождество имен адресата пушкинских строк – Фаргат-Бека и главного героя названной поэмы – Фархада.

В-третьих, широчайшая популярность поэзии Алишера Навои и особенно этой его поэмы среди тюркоязычных народов.

В-четвертых, высокая вероятность получения Пушкиным сведений о ней от его азербайджанского («мусульманского», «татарского») окружения на Кавказе в те дни, когда создавалось стихотворение “Не пленяйся бранной славой...”.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Курбанов Шихали. А.С. Пушкин и Азербайджан. – Баку: Аз. изд-во дет. и юн. Лит., 1959. – С. 65.
2. Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии. – В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. – Сб. статей. – М.: Наука, 1979. – С. 191 – 196.
3. См.: Бертельс Е.Э. Навои и Джамии. – В его кн.: Избранные труды. – М.: Наука, 1965. – С. 64 – 65.
4. Навои Алишер. Поэмы. – М.: Худож. лит., 1972. – С. 161 – 329 (БВЛ, т. 26).
5. См. об этом в кн.: Низами. Пять поэм. – М.: Худож. лит., 1968. – С. 18 (БВЛ, т. 25). – (Предисловие: Бертельс Е., «Низами»).
6. Ирано-таджикская поэзия <...>. – М.: Худож. лит., 1974. – С. 353 – 354 (БВЛ, т. 21).

АЛИШЕР НАВОИЙ ИЖОДИДАГИ УЛУҒВОР ДЎСТЛИКНИНГ ЯҚИН ҚЎШНИ ДАВЛАТЛАР МАТБУОТИДА ИНЪИКОС ЭТИШ МАСАЛАЛАРИ

Турсунжон КАРИМОВА
Равшан УСАНОВ
Саиджон ҚОРИХОНОВ
*Хужсанд давлат университети
(Тожикистон)*

Тожикистон ва Ўзбекистон республикалари ўртасидаги дўстлик муносабатлари ҳақида гап кетганда, икки биродар – тожик ва ўзбек халқлари алоқаларининг асрлар қаърига бориб туташувчи тарихи кўз ўнгимизда гавдаланади. Агар ушбу тарихга ибрат кўзи билан қарайдиган бўлсак, ўртадаги муносабатларнинг энг яхши ва бахтли дамлари бу – халқлар ўзаро тинчлигу дўстлик ҳамда меҳрибонлигу хайрхоҳликда яшаган онлари бўлганлигини кўришимиз мумкин.

Нафақат, халқлар тарихи, балки илм, маданият, икки халқнинг буюк аждодлари ўртасидаги дўстона муносабатлар тарихи ҳам бугунги авлод учун ибрат намунасиндир. Математика, астрономиядан тортиб фалсафа-ю руҳшуносликкача бўлган кўпгина аниқ фанлар соҳасида минтақа олимлари ўз замонаси илми учун хизмат қилиб, унинг мустақам пойдеворини яратиб беришган. Мавлоно Абдурахмон Жомий ва Мир Алишер Навоий ўртасидаги биродарлик, устоз-шогирдлик, ўзаро юксак эҳтиром икки қўшни халқ дўстлигининг олий намунасиндир. Шунингдек, ушбу дўстлик икки томон учун ҳам манфаат келтириб, миллатлараро илм, адабиёт ва маданият, сиёсат ривожига салмоқли ҳисса қўшди. Йиллар ўтиши билан буюклар томонидан қўйилган мустақам пойдевор дўстликнинг мухташам қасрини янгидан бунёд этиш лозимлигига ундади.

2018 йилнинг март ойида Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Тожикистонга давлат ташрифи ва Тожикистон Республикаси Президенти мухтарам Эмомали Раҳмоннинг август ойида Тошкентга расмий ташрифи чоғидаги мулоқоту музокаралари икки мамлакат дўстлигу биродарлигининг янги тарихида қувончли ва унутилмас воқеаларга айланди. Миллат пешвоси мухтарам Эмомали Раҳмоннинг нутқида икки мамлакат муносабатларидаги умидли